

ПАВЕЛ МАМОНТОВ

ОБЩИЙ ВРАГ

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М22

Серия «Граница»

Художник обложки *Наталья Гуркова*

Макет подготовлен редакцией  АСТРЕЛЬ СПб

Мамонтов, Павел Александрович

М22 Общий враг / Павел Мамонтов.— Москва: АСТ, 2014.—
411, [1] с.— (Граница).

ISBN 978-5-17-086129-3

Необъяснимый катаклизм — Прорыв, забросил несколько российских поселений в другой Мир, смертельно опасный для человека. Двадцать пять лет колонисты сражались за право просто жить на этой земле. В том числе — сражались и между собой.

Но теперь найден истинный враг, решивший поработить всех людей.

И колонисты объединились в борьбе с ним.

Виктор Ахромеев, командир разведгруппы Зелёного Города, верный своему долгу, готов идти на острие атаки, защищая своих. Так, как его учили наставники.

Но опасность всегда подстерегает там, где её не ждут.

А в Мире Колоний живут и побеждают только те, кто сражается насмерть.

Подписано в печать 26.09.14.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 21,8.

Тираж 2500. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Павел Мамонтов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Часть I

Пролог

Высокий мужчина вышел на деревянный настил, спереди и сзади которого поднимались острые зубцы частокола в рост человека. За спиной у него висел автомат, на плечах сидел сын, мальчик лет семи. Лицо у мужчины было красивое, благородное, пронзительный взгляд голубых глаз и плотно сомкнутые губы выдавали в нём привычку приказывать.

Сын, маленькая копия отца, смотрел вверх покрашенных в зелёный цвет острых зубцов с натянутой между ними колючей проволокой и удивлённо вертел черноволосой головой. Глаза у него были карие, почти чёрные, как у матери и сестры.

Перед ним открывалась гладкая как стол степь, упирающаяся в далёкую полосу леса. У самого рва, вырытого перед частоколом, земля была истоптана и превращена в жидкую грязь. Дальше начинались ровные квадратики возделываемых полей, окружённые колючей проволокой и со сторожевыми вышками по углам.

А за ними поле покрывал густой слой короткой травы тёмно-зелёного цвета.

И на травинках, и на полосах колючей проволоки, и на брёвнах частокола блестели бисеринки росы. Зоркие мальчишеские глаза примечали каждую деталь: и уставшее лицо часового на ближайшей из вышек, и стайку сусликов, пронырнувшую под проволокой, и дивную игру солнечных лучей на поле, покрытом росой.

— Красиво, Витя? — спросил мужчина у своего сына, глядя вдаль.

— Ага, пап, здорово. Жаль, Лики с нами нет.

— Сама виновата, пусть дома посидит, это ей в наказание, будет знать, как учителю чернила в чай наливать!

Отец и сын стояли на самом верхнем ярусе четырёхметрового частокола. Под ними было ещё два уровня: первый на уровне середины стены с бойницами, проделанными точно над земляным валом, второй подземный, сообщающийся с долговременными огневыми точками. Площадка верхнего яруса была очень узкой, только чтобы разойтись двум крепким воинам в броне. Спереди и сзади её стискивали стены частоколов, построенные по одному принципу: два ряда брёвен с набитой землёй между ними.

— Пап,— вдруг спросил ребёнок,— а зачем позади нас ещё одна стена? Неудобно же, тесно.

— Запомни, Витя, если где-то тесно, и ты едва можешь туда протиснуться, это хорошо, значит, никто, кроме тебя, не пролезет,— сказал Александр и хохотнул,— а стена с тыла нужна, чтобы защищать от осколков. Если сюда полетят мины и будут взрываться за стеной, то осколки никому не повредят. Этакий бруствер получился.

— Ааа...— протянул Витя.

По тону было понятно, что ребёнок мало что понял, но принцип действия запомнил.

Мальчик зевнул, качнулся на шее родителя, потёр кулачком глаза.

— Смотри, сынок, — по-доброму наставительно сказал отец, — и запоминай. Утро, оно силу придаёт.

— Угу... — сонно кивнул Витя и снова потёр глаза, — а что там такое коричневое мельтешит?

— Где? — спросил Александр, а когда увидел, ментально изменился в лице. — Быстро внутрь! — крикнул он и резко снял, почти скинул сына с плеч. — Быстро, я сказал!

А сам уже схватил трубку полевого телефона на стене, резкими рывками несколько раз прокрутил диск. — Восток, сектор-3, цель групповая, удаление четырёхста, — быстро проговорил он, — немедленно огонь!

В трубке что-то забурчало в ответ, в ста метрах за чашеколом, в казематах, минометы начали наводить на цель.

Александр положил трубку и зацепился взглядом за сына, жавшегося к тыловой стене.

— Я кому сказал, бегом отсюда! — рыкнул старший Ахромеев.

В этот момент внизу застучал тяжёлый пулемёт из дота. Витя хотел было убежать и уже подошёл к люку, чтобы спуститься вниз, но тут крышка откинулась, и из люка выскочил солдат с автоматом. Мальчик отпрянул, пропуская солдата, а когда опять подошёл к проходу вниз, отец уже повернулся к нему спиной. Тогда Витя решил рискнуть и не послушаться. Интересно же — первый бой своими глазами!

Старший Ахромеев начал стрелять в кого-то из бойницы, а вбежавший боец что-то говорил в телефон.

Левее, метрах в сорока, на частоколе тоже послышались выстрелы. Вите было очень интересно, в кого же стреляет отец, он даже хотел встать на цыпочки и посмотреть, что там творится снаружи, за частоколом, но рядом с ним стоял солдат Зелёного Города, говоривший по телефону, и Витя решил не рисковать, чтобы его не заметили. Потом, когда всё кончится, он попросит папу рассказать и объяснить ему всё, что происходило вокруг. О том, что сделает отец, когда узнает, что он его не послушался, Витя пока не думал.

В небе что-то просвистело, впереди раздался взрыв.

— Удаление двести, перелёт... — говорил солдат в телефон.

Снова свист и взрывы.

— Попали, — радостно вскрикнул корректировщик, — точно в...

И замолк на полуслове, голова его дёрнулась и разлетелась красными брызгами. Что-то чёрной молнией промелькнуло в воздухе.

Витя удивлённо поднял голову, над ним что-то вибрировало, и он увидел: в одно из бревен задней стены вонзилось гладко отполированное копьё. Каменный наконечник полностью вошёл в дерево. Витя непонимающе крутил головой, смотрел то на копьё, то на труп. Он догадался, что произошло, но не мог поверить, что это по-настоящему.

Тяжёлые удары стали сотрясать стену с наружной стороны: один, второй, третий. С басовитым гудением потянулась вниз натянутая колючая проволока, с металлическим звоном одна за другой отлетели заклёпки, которые крепили её к частоколу. Что-то чёрное и большое взлетело над стеной и мягко опустилось на помост. Это оказался огромной снежный человек, в руке он

держал узкий каменный топор. Монстр сделал шаг, Витя сжался в комок, прижался к стене, время тянулось ну очень медленно.

— Витя! — донёлся до мальчика крик.

Его отец бежал к нему и на ходу стрелял. Пули дырявили грудь снежного человека, но не отбрасывали его, а просто проходили насквозь. Александр подбежал почти вплотную и кинулся на врага. Нелюдь замахнулся топором, а человек, не переставая стрелять, дёрнулся вперёд-назад и пригнулся. Штык-нож, прикреплённый на стреляющем стволе, пронзил шею твари и сразу вышел обратно. Топор снежного человека опустился мимо, а его хозяин, фонтанируя кровью из распоротого горла, рухнул на настил.

Сзади Александра на настил запрыгнул ещё один снежный человек и тоже взмахнул топором.

— Папа! — хотел крикнуть Витя, но не успел.

Его отец мгновенно развернулся на месте, как будто спиной почувствовал, откуда грозит опасность. Он припал к внешней стене, присел и выстрелил.

Снежный человек дёрнулся, из его груди начали вылетать пули (другие солдаты на частокоте тоже открыли огонь с противоположенной стороны), которые непременно ранили бы отца мальчика, если бы тот не пригнулся. Сам Александр тоже стрелял, целя в правый бок нелюдя. Снежного человека развернуло от множества ударов пуль и буквально разорвало на куски.

Над крепостью повисла тишина.

— Держать позиции! — крикнул старший Ахромеев солдатам, выбегающим из люка на настил стены, а сам направился к своему сыну.

— И что это такое было? Ты почему не послушался? — строго спросил он, глядя сверху вниз.

— Пап, ну я...— Витя шмыгнул носом и посмотрел себе под ноги,— я сначала хотел посмотреть, а потом... испугался.

— Испугался, говоришь?

Александр присел перед сыном, потрепал его по черноволосой голове.

— Только никому не говори,— сказал он, сверкнув белозубой улыбкой,— но я тоже испугался.

Пролог 2

*Спустя пятнадцать лет.
Северные леса близ торфяных болот.
Племя Н'Хэй в походе*

Старый Н'Хугай вёл своё войско. Лучшие воины его племени — Поющих в ночи. Их было десять и пять десятков. Полторы сотни воинов, каждый умелый охотник и опытный боец, на каждом защитная куртка из выдубленной шкуры носорога или кабана. У каждого копье с крепким наконечником из камня, обсидиана или бронзы и топор с каменным лезвием, отшлифованным и заточенным до невероятной остроты.

Н'Хугай жил очень долго, даже по меркам Большого Народа. Почти три сотни раз он встречал и провожал зиму. И видел многое. Было страшное время, когда даже племена из *одного* народа убивали друг друга, и кровь лилась десятки зим. Это началось тогда, когда стала высыхать Анг Туэ¹. Много воинов, женщин и де-

¹ *Анг Туэ* — река, дословно: дающая жизнь.

тей полегло тогда из племён разного, но всё равно единого Народа. И плакала мать земля, и почернело Анг Фэ¹. Н'Хугай тогда был совсем молодым и думал, что хуже уже ничего быть не может.

Но почти три десятка зим назад на его землю пришли чужаки, и стало ещё хуже, да так, что просто невыносимо. Чужаки, хилые и нескладные, оскверняли его землю, поработали воинов и женщин из племени Поющих в ночи и из других племён Большого Народа. И пусть сам Большой Народ соткан из разных народов, а те делятся на племена, но всё равно все вдыхающие воздух считали себя частью Большого Народа и подчинялись слову общего Вождя Большого Народа, Хранителя Священного Места. Если таковое будет сказано, конечно, и не нарушит обычаяв.

Так, три луны назад, народы в который раз уже собрались на Священном Месте, чтобы подумать. Народам было предложено заключить союз с чужеродной тварью, из тех, что туманят разум и пожирают Анг Лэ².

Н'Хугай не хотел воевать. Не потому, что труслив или слаб. А потому, что он не верил, что союз с тварью может принести победу. Тварь сначала окутает их своей властью, поработит, а после бросит на своих врагов умирать. А тех, кто сумеет выжить, сожрёт Анг Лэ.

Н'Хугай не хотел воевать. Он повидал в жизни. Семеро его сыновей погибли, сражаясь с чужаками. Двое отдали жизнь в бою и ушли к предкам. Пятеро попали в плен и потеряли разум. Чужаки заставили их добывать чёрный огонь из земли для каких-то своих нужд. Н'Хугай не верил в победу, но дорожил тем, что внут-

¹ Можно перевести как единая душа или общая душа.

² Душа отдельного существа.

ри — Анг Лэ. Если принять предложение твари, то навеки попадешь в её рабство, а это страшнее, чем угодить к чужакам. Те хоть захватывают тело, а тварь — Анг Лэ. Н'Хугай не был трусом, но хотел, чтобы, когда придёт его час, он отправился к предкам, не потеряв свою душу.

В Священном Месте Главный Вождь отказался выступить простив чужаков вместе тварью. Но не все последовали его слову. Тогда, три луны назад, Джеб'Чи, молодой вождь из племени Выковывающих камень, увёл из Священного Места тех, кто был готов отдать себя и свою душу твари. Он вырвал их и себя из ментальной связи Большого Народа и закрыл их разум для остальных племён.

И сейчас Н'Хугай вёл своих воинов не против чужаков, а против одного из племен своего народа — Выковывающих камень. Он шёл карать отступника Джеб'Чи. Того, кто всё-таки решил заключить союз с тварью. Поганный отступник заплатит за свое предательство.

Чужаки звали Н'Хугая и всех из племён его народа — неандертальцы. Н'Хугая нравилось это слово, чем-то оно напоминало общий язык Большого Народа, а не примитивную речь чужаков. Вождь не прочь был узнать, что это слово значит, а еще — что значат имена двух других народов — снежные люди и тролли.

Но болтать с чужаками Н'Хугай не собирался. Он вёл своих воинов сражаться, проливать кровь, как в старые времена. Силой — на силу, умением — против умения, лицом к лицу. Не так, как бьются поганные чужаки, а так, как принято у племён Большого Народа. Но он ошибался.

Н'Хугай провёл племя сквозь ущелье и остановился у подножия двух крутых холмов, поросших высокими

елями. На узкой дороге между склонами его встретил Джеб'Чи, молодой неандерталец, пошедший против слова, сказанного в Священном Месте. С ним было не больше сорока воинов.

— Ты здесь, подлый предатель и осквернитель, — вскричал старый вождь на языке Большого Народа. — Готовься принять свою смерть!

— Подохни сам, кал барсука! — ответил молодой неандерталец и, не отводя взгляда, протянул руку назад. В неё вложили оружие, точно такое же, каким сражаются чужаки. Нескладное, изогнутое, с торчащими во все стороны штырями, но не менее смертоносное, чем копьё или топор.

Джеб'Чи выставил чужое оружие, неловко держа его на уровне живота. В ту же минуту на вершинах обоих холмов появилось два десятка воинов его племени с таким же оружием. Молодой неандерталец нажал на курок, автомат, несмотря на железную хватку и огромные мускулы, задёргался в его руках, будто куница, желающая вырваться на свободу. Воины на холмах тоже начали стрелять.

Н'Хугай почувствовал, как кусочки металла прошили его тело, вокруг поднимались столбики пыли от ударов таких же железных шариков. В его воинов тоже стреляли. Они умели сражаться с чужаками и знали, что делать против их оружия. Рассыпаться по земле, укрыться, ударить ментальной силой, потом бросить копьё и уходить, но сейчас по ним стреляли воины их же Народа, такие же быстрые и меткие, умеющие сопротивляться их ментальной силе. Воистину Джеб'Чи — отступник.

Н'Хугай чувствовал каждого из своих воинов, их боль, их растерянность, их желания. И тогда он понял, что проиграл, но в то же время понял, что надо делать.

Старый вождь взревел, впитывая эмоции воинов на себя, Поющие в ночи откликнулись, послали ему свою ментальную силу, и тогда вождь, пропустив её через волну гнева, страха и ненависти, направил её на врага. А затем бросил копьё с чёрным обсидиановым накопчиком.

Волна страха и ненависти ударила по воинам-отступникам, сметая все чувства, кроме животного ужаса и желания бросить оружие. Автомат Джеб'Чи перестал стрелять, на него уже неслось девять десятков разъярённых врагов, пятнающих своей кровью землю под ногами. Но молодой вождь не испугался, легко уклонился от брошенного в него копья, одновременно ментально поддерживая тех, кто *объединился* с ним, открыл ему свой разум.

Он отбросил ставшее ненужным чужое оружие и рванулся вперёд, выхватывая топор. Мимо него вперёд и назад пролетали копья, одно из них он ловко перехватил свободной рукой и метнул обратно и тут же встретился лицом к лицу со своим старым (во всех смыслах этого слова) врагом.

Н'Хугай хотел было перехватить древко топора (уклониться от удара он уже не успевал), но левая рука не послушалась. Каменное лезвие вонзилось в плечо, разорвало мышцы, сломало кость. Старый вождь попытался ударить в ответ своим топором, но сильная рука остановила его, и сразу же на него обрушился новый удар, точно в шею. Н'Хугай перестал чувствовать своё племя, в глазах потемнело, силы покидали его.

Соплеменники поняли, что их вождь умирает. Следующего удара он уже не почувствовал, как и последнего, перерубившего позвоночник и трахею.

1. Зимний рейд

Виктор Ахромеев

Быстрый бег, правильные движения, правильное дыхание, снег мягко шуршит под лыжами. Пар вырывается изо рта, в горле тёплый комок. Тело двигается так, чтобы лёгкие сами вбирали морозный воздух, а потом обратным движением выплёвывали отравленный газ. Под белым маскировочным полущубком еле слышно звякает броня — сделанный под старину панцирь из титановых пластин, набранных внахлест на алюминиевую проволоку. За спиной так же тихо шуршит лыжами напарник — невысокий Роман Кангаров, по кличке Рикки. Сумерки уже опустились на заснеженную степь.

Два месяца зимнего безделья закончились долгим рейдом, разведгруппа определяла границы врага — Южной Колонии, выискивала узлы сопротивления, наносила на карту «живую изгородь» противника и прочие сведения.

Я скинул капюшон, обернулся, показал знаками идущему сзади Рикки: «Последняя петля».

Впереди был пологий холм, с которого мы лихо спустились, заложив вираж, и буквально через пять минут оказались на нашем старом следе.

Глубокая лыжня не была занесена снегом, хотя на небе висели густые тучи. Это было и хорошо и плохо. Хорошо, потому что колея была нашим единственным ориентиром на этой бескрайней снежной равнине. Были ещё разные магические приспособления для уточнения маршрута, например такие, что могут показать расположение созвездий сквозь облака, но сейчас

я их специально не включал, полагаясь лишь на внутреннее чувство направления. Всё-таки магия оставляет заметный след, распознаваемый теми, кто ее чувствует, и, если есть возможность, ею лучше лишний раз не пользоваться.

Проехав по старой лыжне метров двести, я свернул на целину. Точно за мной ехал Рикки, только чуть замешкался, замечая след: он надел на задние концы лыж особые щетки, чтобы засыпать колею. Первые метров триста мы ехали медленно, тщательно разравнивая оставленную тропу, а потом, чуть переведя дух, рванули в полную силу. Нас ожидала дорога длиной несколько километров до схрона моего отряда, или, если по-научному, долговременной базы.

Наверное, из всех видов задач, поручаемых разведке, долговременное наблюдение — моя самая нелюбимая. Сидишь сутками, а бывает и неделями, в узкой щели, накрытой сверху толстым слоем земли, вместе с несколькими такими же наблюдателями. Наружу выйти нельзя, нормальный огонь развести нельзя, лишние следы оставлять нельзя, а всё дерьмо и отходы в мешочек собираешь. И так день за днём. Нужно иметь железную выдержку, чтобы в таких условиях ещё и задание выполнить.

Хорошо что в этот раз досталось не чистое наблюдение, а именно разведка местности. Вдоль границы Южной Колонии работали несколько групп, а чуть дальше находились их базы хорошо замаскированные. В открытой степи без этого не обойтись, иначе рейдеры просто гибли бы от холода или приходили в небоеспособное состояние. Да и, если честно, больше проблем в этой ледяной пустыне, где ни укрыться, ни обогреться, доставляла именно погода, а не противник.

Моей группе из семи человек достался не такой уж большой участок — семь километров между двумя базами. Во избежание обнаружения укрытия делались максимум на три-четыре человека. Первым отрядом командовал я, кроме меня в него входили: Рикки, Инга (снайпер группы) и Гаврик (магическое прикрытие и связь). Вторым отрядом командовал сержант Александр Загорный, мой зам, с ним были двое разведчиков: Коля по прозвищу (да и по сути тоже) Викинг и Вова Орлов. Для последнего, как и для Рикки, это был первый серьёзный выход в моей группе. Оба новичка дружили с детства, но были полной противоположностью друг другу. Орлов — среднего роста, русоволосый, со славянскими чертами лица, но немного выдающимися скулами и располагающей улыбкой. Довольно спокойный, пока не доходит до схватки. Кангаров же, наоборот, маленький, рыжий, остроносый, жилистый, постоянно в движении и поисках приключений на различные части тела. Кличку он себе выбрал по имени маленького шустрого зверька из рассказа «Рикки-Тикки-Тави». И правда, было в нём что-то от мангуста.

Неделю назад, под прикрытием «случайно» забредшего в нужное место стада бизонов, моя группа приняла вахту у другого разведотряда. С тех пор мы и ходили в рейды парами и тройками, пока один-два бойца сторожат базу.

В нашей паре маршрут прокладывал я, в пути ориентировался по звёздам, мелькавшим сквозь тучи, по компасу и магическому прибору, который несколько раз ненадолго включал. А Рикки просто шёл за мной, но всё равно чувствовалось, что переход его вымотал. Далеко не каждый может проехать несколько десятков километров в полной выкладке, в броне, в зимней одежде и тащить на себе целый арсенал